

А.Ю. Гусева

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УТОПИЙ

A.Y.Guseva

THE RELEVANCE AND CONTROVERSIAL ECOLOGICAL UTOPIAS

Автор статьи рассматривает в философско-эстетическом аспекте экологическую составляющую классических утопий, современные эколого-утопические проекты, представленные в произведениях философии и литературы, а также концепты экологической катастрофы и дистопии; анализируется соответствие этих проектов идеям концепции устойчивого развития. Продемонстрирована внутренняя противоречивость гуманитарного экологического проекта.

Ключевые слова: экотопия, экологическая утопия, экологическая гармония, аксиология устойчивого развития, экологическая катастрофа, экологическая фантастика, дистопия, гуманитарный экологический проект, гуманитарный экологический дискурс.

Author examines the philosophical and aesthetic aspect of the environmental aspect of classical utopias, modern eco-utopian projects presented in the works of philosophy and literature, as well as the concepts of environmental catastrophe and dystopia, analyzes these projects, according to the ideas of sustainable development. Demonstrated an internal inconsistency of environmental humanitarian project.

Keywords: ecotopia, an ecological utopia, an environmental utopia, ecological harmony, a sustainable development axiology, ecological accident, an ecological fantasy, a dystopia, the humanitarian ecological project, a humanitarian ecological discourse.

Концепция устойчивого развития имеет определенную традицию понимания трех практических стратегий, создающих ее – экономической, социальной и экологической. Экономическая составляющая предполагает, что ограниченные ресурсы используются максимально эффективно и устойчиво сохраняется совокупный капитал. Социальная составляющая предполагает сохранение стабильности социальных и культурных систем. Экологическая составляющая требует поддержания целостности и стабильности экосистем. Таким образом, концепция устойчивого развития представляет собой попытку обоснования рационально-дружественного отношения к природе, и практики такого отношения.

Если рассматривать концепцию устойчивого развития в ракурсе утопического мышления, тогда она должна быть признана практопией. «Практопия» - термин, предложенный Э. Тоффлером в книге «Третья волна», - означает описание общества, которое лучше существующего в данный момент, но в то же время не является идеальным, то есть в его изображении признается наличие проблем и сложностей [Тоффлер, 2004]. Иначе говоря, это практически возможное будущее, где именно от конкретных людей и их конкретных действий по достижению устойчивого развития зависит его достижимость. Тоффлер называет «первой волной» процессы развития

традиционного общества, в основе которого аграрная экономика; «второй волной» - развитие индустриального общества, технологии которого требуют использования невозобновляемых углеводородных источников энергии; «третьей волной» назван переход к постиндустриальному обществу, где энергетическая база радикально изменяется, источниками энергии служат возобновляемые ресурсы, вполне в духе концепции устойчивого развития. Если учесть, что книга была написана уже более четверти века назад, прогнозы американского исследователя можно считать частично реализовавшимися. Но движение третьей волны зачастую замедляется: «защитников Третьей волны публично запутывают в словесных кружевах те, кого лучше всего называть силами Первой волны, - люди, которые призывают не к продвижению к новой, более разумной, более ресурсосберегающей и научно обоснованной системе, а к возврату в доиндустриальное прошлое. В крайней форме их политика приведет к уничтожению большей части техники, ограничению передвижения, что сделает города бесполезными и приведет к их умиранию, к навязыванию культуры аскетизма во имя охраны природы» [Тоффлер, 2004, с. 101].

Из приведенного фрагмента понятно, что ценностные структуры, мировоззренческие составляющие устойчивого развития противоречивы, и выявить это противоречие важно для определения дальнейшей перспективы. В самом общем виде оно может быть обозначено как вечное философское противопоставление идеальных личностных концептов-ценностей, и практики - как «универсального способа отношения человека к миру, который предполагает волю, усилия ума, ориентацию на будущее в целеполагании, в замыслении и в создании проекта, технологическом проектировании, в расчете средств, адекватных цели и необходимых для получения желаемого результата» [Огурцов].

Ключевые международные документы по проблемам и стратегиям устойчивого развития (Рио-де-Жанейрская Декларация и Повестка дня (1992), Йоханнесбургский план выполнения решений (2002), Киотский протокол (1997), не слишком успешные документы саммита в Копенгагене (2009), и другие) появились уже после того, как в современное массовое сознание вошли художественные тексты, авторы которых пытались рассказать, насколько хороша будет жизнь человечества, если все люди на практике реализуют экологически дружественное поведение.

Отметим, что в конце XX – начале XXI вв. известными стали те произведения, в которых осмыслены последствия нещадной эксплуатации ресурсов природы. Иначе говоря, чаще появлялись антиутопии. Именно на этой идее страшных последствий для человечества построен фильм «Неудобная правда» (2006), и появившийся по его мотивам художественный фильм «Век глупцов» (2009).

Хотя понятие «антиутопия» возникло в XIX в. благодаря Дж. С. Миллю, ее расцвет пришелся на век XX. Как отмечает специалист, антиутопия исторически восходит к сатирической традиции Дж. Свифта, Вольтера, Г.К.Честертона, но является сатирой на демократические и гуманистические идеалы, а не критикой существующей социальной действительности [Араб-Оглы]. Но если в произведении предлагается некий идеальный образец, описание общественного устройства, в котором установлена гармония социальных структур, природы и экономики, то его с полным правом можно отнести к утопиям.

Утопия и утопическое сознание многократно изучены в социально-гуманитарных исследованиях, но аспект экологических представлений в утопическом идеале исследован, как представляется, недостаточно. В задачу автора данной статьи входит, насколько возможно, рассмотрение взаимовлияний экологических утопий и экологической практики, с опорой на историю утопии и экоутопии и экскурсом (по необходимости) в философскую и фантастическую литературу. Помимо желания показать наличие экологических идей в истории утопических представлений, дополнительным мотивом стала странная ситуация с дипломным исследованием на тему экоселений, автор которого, молодой специалист-эколог, не понимал различия между экологическими поселениями и коттеджной застройкой вблизи мегаполиса.

Тонкий анализ гуманитарного экологического «проекта» с философских позиций провел А.М. Пятигорский в статье «Является ли будущее «зеленым» розовым?». Пятигорский показал, что современное экологическое мировоззрение неоднородно, и его границы определяются двумя основными течениями: «Первое (абстрактно-гуманистическое, научно-редукционистское и футурологическое, т. е. рассматривающее настоящее с точки зрения будущего) связано с именами Ж. Моно, И. Пригожина и ряда других ученых. Второе (антиредукционистское и по сути антигуманистическое, если понимать гуманизм в традиционном либеральном смысле) ассоциируется прежде всего со взглядами Дж. Лавлока, и хотя оно также футурологично, но в нем человечество рассматривается как *составная часть* общего - природы и космоса» [Пятигорский, 1996, с. 370]. Также Пятигорский, полемизируя с Э.Р.Д. Голдсмитом, указал на тот факт, что экологические проекты имеют существенное сходство с утопическими построениями.

Э.Р.Д. Голдсмит (1928-2009), англо-французский писатель, журналист и эколог (редактировал журнал «The Ecologist»), был одним из первых сторонников теории Геи (Гайи) Дж. Лавлока. Пятигорский вкратце излагает идеи, высказанные Голдсмитом в книге «Путь»: 1) признание того, что устойчивость общества важнее, чем прогресс (следовательно, переход к отказу от технологического и потребительского образа жизни и разрушение мирового рынка); 2) появление новых структур политики (они санкционируют уничтожение рынка и остановку научно-технического прогресса, помогая организации новых социально-экологических условий). Существенно для Пятигорского (как для философа и человека, прожившего часть жизни в СССР и эмигрировавшего в 1973): отказ от прогресса, о котором пишет Голдсмит, должен быть добровольным. Призывы ограничивать рождаемость для сокращения численности человечества – не реализация мечты о светлом будущем, а проект следования необходимости, поскольку задача человечества в новой экологической ситуации - не достичь счастья, а просто выжить.

По мнению Пятигорского, проект Лавлока и Голдсмита, с одной стороны, не утопичен, так как представляет собой программу необходимых действий. Но, с другой стороны, он является утопией, поскольку «отменяет *политику*, как отменяют ее Платон в «Государстве», Гегель в «Феноменологии», Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте», Ленин в «Государстве и революции» и т. д.» [Пятигорский, 1996, с. 371]. Политика - столкновение частных интересов, а экологический проект заменяет их идеей родового выживания. Тут и происходит странное «превращение» идеи и действия. Если идея родового выживания человечества, благодаря экологическому движению, станет универсальной идеей человечества, любая другая идея ав-

томатически окажется ей противопоставляемой, и тогда «идеология обратным путем воспроизведет политику, и вся история опять пойдет с начала».

Кроме того, следует учитывать, что история культуры основана на тенденции выделения индивидуального в ущерб родовому началу, вытеснения и даже ликвидации рода в сознании человека; поэтому принять идею выживания всего человечества — идею рода, — не просто сложно, а практически невозможно для современного человека. Таким образом, экологический проект, в сущности, стремится к отмене культуры «по вертикали». В таком случае, своеобразным аргументом против идеи общеродового выживания в современном мире оказывается движение трансгуманистов, для которых важно именно индивидуальное продление жизни и потенциальное бессмертие личности. Представляется, что анализ экологических утопий позволяет обнаружить это противоречие, высказанное в образно-художественной форме; если же авторы экологических утопий не артикулируют такие моменты специально, то у читателей и зрителей возникают вопросы о логичности и убедительности текстов.

Если изучить историю европейских утопий, то выяснится, что экологический проект имеет весьма глубокие корни, в силу того, что европейская культурная традиция «по определению» предполагает преобразование природы человеком. Экологические моменты наличествуют уже в первой европейской утопии — платоновском «Государстве»; сюжет об Атлантиде из «Крития» и «Тимея» также может быть истолкован в экологическом ключе. Так, в «Критии» рассказывается о первоначальном природном изобилии и правильной земледелии в Аттике: «Плодородием же здешняя земля превосходила любую другую <...> даже нынешний остаток этой земли не хуже какой-либо другой производит различные плоды и питает всевозможных животных <...> за девять тысяч лет случилось много великих наводнений <...> земля не накапливалась в виде сколько-нибудь значительной отмели, как в других местах, но смывалась волнами и потом исчезала в пучине. И вот остался, как бывает с малыми островами, сравнительно с прежним состоянием лишь скелет истощенного недугом тела, когда вся мягкая и тучная земля оказалась смытой и только один остов ещё перед нами. Но в те времена еще неповрежденный край имел и высокие многохолмные горы, и равнины, которые ныне зовутся каменистыми, а тогда были покрыты тучной почвой, и обильные леса в горах. <...> среди наших гор есть такие, которые ныне возвращают разве только пчел, а ведь целы еще крыши из кровельных деревьев, срубленных в этих горах для самых больших строений. Много было и высоких деревьев из числа тех, что выращены рукой человека, а для скота были готовы необъятные пажити <...> Доселе существующие священные остатки прежних родников свидетельствуют о том, что наш теперешний рассказ об этой стране правдив. Таким был весь наш край от природы, и возделывался он так, как можно ожидать от истинных, знающих свое дело, преданных прекрасному и наделенных способностями землепашцев, когда им дана отличная земля, обильное орошение и умеренный климат» [Платон, 1994а, с. 505-506].

С одной стороны, мысль о разрушении экологической гармонии, подобная современным представлениям, объяснима присутствием в платоновском мировоззрении традиционной мифологемы золотого века и всеобщего ухудшения мира с течением времени, но, с другой стороны, попытки относительно рационального объяснения этого ухудшения свидетельствуют о «вечности» экологической проблематики.

Не менее интересен и рассказ об Атлантиде. Ее жители первоначально пребывают в состоянии не просто экологического благополучия – в состоянии изобилия, ресурсы которого они активно применяют для улучшения собственной жизни: «...большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов <...> Лес в изобилии доставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого <...> всякий нежный плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умещения <...> всё это тогда под воздействием солнца священный остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным» [Платон, 1994а, с. 509].

Преобразовательная деятельность властителей острова направлена на усовершенствование коммуникаций между разными областями, поскольку все остальное есть в изобилии. Атланты произвели преобразование своих территорий следующим способом: «...весь этот край лежал очень высоко и круто обрывался к морю, но вся равнина, окружавшая город и сама окруженная горами, которые тянулись до самого моря, являла собой ровную гладь <...> над устройством ее потрудились много царей на протяжении многих поколений. Она являла собой продолговатый четырехугольник, по большей части прямолинейный, а там, где его форма нарушалась, ее выправили, окопав со всех сторон каналом. <...> Принимая в себя потоки, стекавшие с гор, и огибая равнину, через которую он в различных местах соединялся с городом, канал изливался в море» [Платон, 1994а, с. 512].

Но затем происходит нарушение некоего божественного закона: «когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила» [Платон, 1994а, с. 515]. В период, когда человеческая часть в атлантах превысила часть божественную, произошла грандиозная катастрофа, в которой «Атлантида исчезла, погрузившись в пучину» [Платон, 1994б, с. 430].

Представляется, что можно интерпретировать этот конфликт божественного и человеческого в одном аспекте как конфликт традиции и новации, в другом – как конфликт родового и индивидуального начал. Индивидуальное «Я» противостоит привычному, традиционному, «родовому» взаимодействию с природой, но и божественное, и человеческое нацелены на получение природного блага.

Интересно, что параллель к платоновским текстам обнаруживается в популярной фантастической литературе современности: «Планета вновь возникла на экране, и я дернулся в кресле, невольно потянулся к экрану. <...> На стороне, обращенной к нам, были два материка.

Один – квадратный.

Другой – круглый.

<...>

Планету вновь затянули облака. Но даже сквозь них очертания материков оставались вполне угадываемыми.

Квадрат и круг. <...> Ведь и облака тянутся над планетой слишком аккуратно! Это не просто игры ветров, это чей-то деятельный разум прикрыл одни участки сплошным покровом туч, другие – подставил свету чужого солнца» [Лукьяненко, 1999, с. 236-237]. Так в книге популярного современного фантаста жители одной из множества заселенных разумными существами планет преобразовали поверхность своей родной планеты – даже из космоса материки на ней видны как квадрат и окружность с четкими границами. Правда, затем выясняется, что сохранять четкость материковых границ обязаны обитатели трудовых лагерей, маргиналы, выброшенные из «приличного общества» из-за асоциальных наклонностей. Буквально: зеки выходят к берегу, граблями и лопатами, а также вручную, перетаскивая камни, выправляют изрезанные прибором очертания квадрата и окружности. Лукьяненко, наш современник, понимает опасность утопического мышления – его высказывание вполне соответствует идее Пятигорского, – и пишет своего рода антиутопию (в сочетании с космооперой). Этот момент существенен, поскольку читатели такой фантастической литературы, как правило, – образованная и социально активная молодежь.

Небезынтересно и очевидное влияние Платона на образ идеального государства Томаса Мора. Государство Утопия расположено на острове, как и Атлантида, природа Утопии изобильна, жители ее тоже склонны к геометризации среды обитания – города, подобные столице Амауроту, строятся на склонах гор и берегах рек, и по форме представляют почти квадрат. Основные занятия жителей – земледелие и ремесла, причем, по описанию Мора, это устойчивое хозяйство, поскольку все утопийцы готовы в быту довольствоваться малым, но и не усердствуют с перепроизводством сельскохозяйственных товаров. Конфликт индивидуального и родового неактуален для «Утопии» – все жители идеальной страны одинаковы, все согласны с существующим порядком вещей, никто не собирается протестовать, отстаивая персональные интересы. Такое устойчивое общество более справедливо называть стагнирующим, будь оно реализовано. Или же все его граждане подобны крестьянке Хайдеггера¹, постигающей смыслы земного бытия через простое ношение грубых башмаков [Хайдеггер, 2008].

Отметим, что, несмотря на утопические образы, мысль Мора настолько опережает его время, что он в XVI веке говорит о мировоззренческих явлениях, проявившихся в XX веке более явно – например, отношение утопийцев к охоте как к убийству вполне соотносимо с этико-экологическими идеями современности; также существование в Утопии группы людей, убежденных в том, что у животных есть вечная душа, как у человека, напоминает современных зоозащитников. Мор также рассказывает о новаторских методах в сельском хозяйстве – утопийцы, например, выводят цыплят в инкубаторе: «С удивительным умением они выхаживают бесконечное количество цыплят, ибо они не

¹ Хотя Хайдеггера и считают предтечей современной экофилософии, справедливости ради заметим, что изображенные Ван Гогом башмаки, о которых размышляет философ, принадлежали самому художнику, а не созданной философским воображением «крестьянке».

подкладывают яйца под курицу, но выводят и выхаживают потом большое количество цыплят, равномерно согреть яйца» [Мор, 1978, с. 175], хотя в целом сельскохозяйственные технологии у них примитивны, что поддерживает стабильность сельского хозяйства.

Изучение представлений Мора, как и платоновских, ведет нас к пониманию вечности экологической проблематики; точнее, к вечности проблемы сложного отношения человека к природе как естественной жизненной среде. Отношения утопийцев с природой описаны как достаточно гармоничные, во всяком случае, ресурсный потенциал острова так велик, что позволяет всем жителям получать необходимое для жизни, проводить приятные минуты, любясь природой, изучать природные явления, причем утопийцы делают все это более гармонично, чем в современной Мору Англии. С точки зрения концепции устойчивого развития можно, видимо, сказать, что на острове Утопия устойчивое развитие реализовано, не будь остров всего лишь литературно-философской моделью, построенной по законам абсолютных идеальных ценностей.

Почти столетие спустя после Мора Кампанелла в «Городе Солнца» также говорит о внимании соляриев к земледелию, но это уже, скорее, эксплуатация ресурсов: «нет ни одной пяди земли, не приносящей плода. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами и, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженными на поля: пахать, сеять, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. <...> Землю они не удобряют ни навозом, ни илом, считая, что от этого загнивают семена и при употреблении их в пищу расслабляют тело и сокращают жизнь <...> землю они не прикрашивают, а тщательно ее обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. <...> часть земли вспахивается, а остальная идет под пастбище скоту» [Кампанелла, 1947, с. 77-78]. Утопии Платона и Мора предшествуют размышлениям об экологических идеалах, и вполне понятно, почему у античного мыслителя и ренессансного гуманиста рефлексия экологической проблематики проведена через описание отношения человека и природы как гармоничных и равновесных. У Кампанеллы же в начале XVII в. (1602 год) **речь идет уже о достаточно сильном антропогенном давлении на природную среду, начавшемся разрушении равновесия, которое связано со становлением новоевропейской субъектно-объектной картины мира.**

Обращение к классическим утопиям дает очевидный вывод – экологическая проблематика имеет длительную историю, и вопрос об конечности ресурсов и необходимости изменения человеческого отношения к природе появился не сегодня. Но осознаны экологические проблемы как нечто важное только во второй половине XX в. в связи с угрозами исчерпанности ресурсов, необходимых растущей послевоенной экономике. Ни в античности, ни в позднем возрождении экономические проблемы еще не актуализированы в таком виде, а человеческая цивилизация еще не насчитывает такого количества обитателей, которое опасно превышает ресурсный потенциал планеты – по некоторым специальным подсчетам, население Земли превысило 1 миллиард только в XIX веке [Капица, 2009].

Значительно более активно экологическая утопия развивается в фантастической литературе второй половины XX – начала XXI веков. Представляется, что причины

здесь следующие. Во-первых, как сказано выше, рефлексия экологических проблем как проблем значимых и существенных для человеческой жизни начинается в 60-70-е годы XX века. Во-вторых, в гуманитарной культуре к середине XX века накоплен опыт антиутопических текстов. В связи с этим и появляются попытки дать некий образ должного экологического будущего, прекрасного и гармоничного.

Но, как всегда, из общего правила есть исключения — подобный образ гармонично преобразованной человеком природы можно найти уже в незаконченном произведении В.Ф. Одоевского (1803-1896), которого чаще вспоминают не как оригинального философа, во многом предвосхитившего идеи русского космизма, а как автора сказки «Городок в табакерке». В незаконченном произведении «4338 год. Петербургские письма» (1835), которое предполагалось как заключительная часть трилогии о прошлом (петровская эпоха), настоящем (тридцатые годы XIX в.) и будущем, Одоевский рассказывает о реальности, существенно напоминающей более поздние образы В.И. Вернадского. Так, герой книги в переписке сообщает другу о путешествии из Китая в Россию через Гималайский и Каспийский туннели, над которыми находятся горы и моря; об освоении воздушного пространства, потому что «летать по воздуху есть врожденное чувство человеку»; о специальных влияниях на холодный российский климат: «мы залетели к экватору, но лишь на короткое время, посмотреть начало системы теплохранилищ, которые отсюда тянутся почти по всему северному полушарию; истинно, дело достойное удивления! труд веков и науки! Представь себе: здесь непрерывно огромные машины вгоняют горячий воздух в трубы, соединяющиеся с главными резервуарами; а с этими резервуарами соединены все теплохранилища, особо устроенные в каждом городе сего обширного государства; из городских хранилищ теплый воздух проведен частию в дома и в крытые сады, а частию устремляется по направлению воздушного пути, так что во всю дорогу, несмотря на суровость климата, мы почти не чувствовали холода. Так русские победили даже враждебный свой климат!» [Одоевский, 1993, с. 42].

Следует отметить, что представления Одоевского о развитии городов также вполне утопичны — он предполагает, что в будущем Москва и Петербург образуют единый мегаполис, ради которого и было начато изменение климата. Кроме этих невероятных достижений, наши будущие соотечественники могут моделировать различные экосистемы. Так, Третье письмо повествует о «Кабинете Редкостей», то есть Кунсткамере, которая в далеком будущем представляет собой огромное здание в середине Невы: «Многочисленные арки служат сообщением между берегами; из окон виден огромный водомет, который спасает приморскую часть Петербурга от наводнений. Ближний остров, который в древности назывался Васильевским, также принадлежит к Кабинету. Он занят огромным крытым садом, где растут деревья и кустарники, а за решетками, но на свободе, гуляют разные звери; этот сад есть чудо искусства! Он весь построен на сводах, которые нагреваются теплым воздухом постепенно, так, что несколько шагов отделяют знойный климат от умеренного; словом, этот сад - сокращение всей нашей планеты; исходить его то же, что сделать путешествие вокруг света. Произведения всех стран собраны в этом уголке, и в том порядке, в каком они существуют на земном шаре. Сверх того, в середине здания, посвященного Кабинету, на самой Неве, устроен огромный бассейн нагреваемый, в котором содержат множество редких рыб и земно-

водных различных пород; по обеим сторонам находятся залы, наполненные сухими произведениями всех царств природы, расположенными в хронологическом порядке, начиная от допотопных произведений до наших времен» [Одоевский, эл. ресурс]. Это учреждение является и образовательным центром — герой Одоевского понимает, как русские ученые приобретают удивительные познания — для этого достаточно походить по Кабинету редкостей, и становишься сведущим натуралистом.

Свои познания ученые успешно применяют в практике изменения среды - в Пятом письме речь идет о парке «на Пулковой горе», где устроен чудесный сад с удивительными деревьями: «каких усилий ума и терпения стоило соединить посредством постепенных прививок разные породы плодов, совершенно разнокачественных, и произвести новые, небывалые породы; так, например, <...> нечто среднее между ананасом и персиком: ничего нельзя сравнить со вкусом этого плода; <...> также финики, привитые к вишневному дереву, бананы, соединенные с грушей; всех новых пород, так сказать, изобретенных здешними садовниками, невозможно исчислить» [Одоевский, эл. ресурс].

Но все эти удивительные воздействия человека на природу не могли бы быть осуществлены, если бы не произошли социальные преобразования. Об этом идет речь в Четвертом и Шестом письмах. Четвертое излагает рабочие привычки жителей России в будущем — все деятельные, а не праздные люди рано встают и рано ложатся спать, потому что утренние часы наиболее продуктивны для работы, и терять их не следует — поэтому даже визиты по утрам невозможны. Из Шестого письма можно узнать о существующей в будущем системе государственного управления, в которой есть должности: Министр философии, Министр изящных искусств, Министр воздушных сил; а Председателем Государственного Совета является Министр примирений. Сохраняются и более традиционные посты — Министр медицины.

Одоевский упоминает и о возможности освоения ближнего космического пространства — так, Луна оказывается источником снабжения Земли разными «жителейскими потребностями, чем отвращается гибель, грозящая Земле по причине ее огромного народонаселения». Русский мыслитель, как очевидно из цитаты, внимательно отнесся к достижениям европейской мысли, не забыв спроецировать в будущее закон Мальтуса. Эта идея содержится в заметках и набросках к книге, где можно найти еще множество недооформленных прогностических идей, впоследствии разработанных другими мыслителями.

Несмотря на преобладающую утопичность книги Одоевского, в ней также присутствуют намеки антиутопического характера. Писатель, хотя и романтический, но рационалист, и осознает невозможность утопического общества. Поэтому прекрасная будущая жизнь в российском государстве находится под угрозой уничтожения, как и вообще жизнь на Земле, поскольку все персонажи книги ожидают через год жуткую космическую катастрофу — на Землю должна упасть комета Вьелы (то есть комета Галлея), и результаты этого непредсказуемы. Также Одоевский в незавершенных набросках предлагает острую сатиру на развитие науки: распространение просвещения привело к тому, что «многие люди, которые едва годны быть простыми ремесленниками, объявляют притязание на ученость и литераторство <...> Они до сих пор не могли постичь, отчего наши ученые гнушаются их сообществом, и в досаде приняли их передразнивать, завели также нечто похожее на науку и на литературу;

но, чуждые благородных побуждений истинного ученого, они обратили и ту и другую в род ремесла: один лепит нелепости, другой хвалит, третий продает, кто больше продаст - тот у них и великий человек» [Одоевский, эл. ресурс]. Возможно, что именно эти пессимистические замечания привели к тому, что при жизни автора даже завершенные фрагменты книги не были опубликованы полностью; первая относительно полная публикация с приложением набросков состоялась только в 1926 г. [Одоевский, 1926], вскоре было переиздание [Одоевский, 1929].

Мы так подробно указываем на эти издания, так как предполагаем, что именно с ними мог быть знаком советский ученый и писатель-фантаст И.А. Ефремов, который в середине двадцатых годов учился на биологическом отделении Ленинградского университета, а затем в Ленинградском горном институте, и вряд ли упустил из виду такую новинку, как сочинения В.Ф. Одоевского. Во всяком случае, идеи гармонизации человека и природы, предложенные Одоевским, могли в некоторой степени повлиять на образ будущей социально-природной гармонии в книгах Ефремова, даже если это влияние было опосредовано другими представителями русского космизма.

Для Ефремова будущее человечества представляется гармонией био-, социо- и техносферы. Близкий к традиции русского космизма, фантаст описывает должное будущее как экологически гармоничное, равновесное отношение человечества к преобразованной планете и ближнему космосу. Это некий идеал ноосферного развития, о котором речь идет в «Туманности Андромеды», «Часе быка». Ефремов рисует образ будущей гармоничной Земли: «После долгой экономической борьбы города окончательно уступили место звездным и спиралевидным системам поселков, между которыми были разбросаны центры исследования и информации, музеи и дома искусства, связанные в одну гармоническую сетку, покрывающую наиболее удобные для обитателей зоны умеренных субтропиков планеты. Другая планировка отличала сады школ разных циклов. Они располагались меридионально, предоставляя для подрастающих поколений коммунистического мира разнообразные условия жизни» [Ефремов, 1988, с. 167-168].

Еще подробнее это представление выражено в романе «Туманность Андромеды»: перераспределение жилых и промышленных зон планеты привело к тому, что население сосредоточилось в зонах мягкого климата вдоль тридцатых градусов широты в обоих полушариях, в тропиках сосредоточено производство древесины и растительного питания, степи предназначены для выпаса стад, вокруг планеты проведена спиральная дорога, по которой можно быстро перемещаться из одной зоны в другую [Ефремов, 1987]. У Ефремова речь идет о преобразовании природы, которое стало возможным только с преобразованием социальных отношений. Социальная иерархия в ефремовском должном будущем радикально отличается от современной. Представители иных цивилизаций даже видят в ней «опасную анархию», а земляне будущего считают, что необходимо научить этих людей «бороться со всепроникающей «избранностью» - системой противопоставления владык и толпы, всеведущих ученых и темных невежд, звезд и бесталанных, элиты и низшего рабочего класса. В этой системе корень фашизма и развращения людей...» [Ефремов, 1987, с. 145].

Образ экоутопии И.А. Ефремова, изложенный в книгах 1957 («Туманность Андромеды») и 1968 («Час быка») годов, удивительно напоминает идеальный образ бу-

душего, сформированный в совершенно иной исследовательской традиции — в книгах американского социального эколога Мюррея Букчина (1921-2006). Букчин видит экологическое должное будущее так: «Экологическое общество предусматривает фундаментальный поворот всего развития, пройденного историей современной технологии и общества <...> мы должны начать децентрализовывать наши города и создавать совершенно новые эко-общины, которые искусно приведены в соответствие структурам окружающей экосистемы. Я хочу здесь подчеркнуть, что децентрализация — не то же самое, что намеренный раздел ландшафта между изолированными крестьянскими дворами или коммунами контркультуры, какими бы незаменимыми они ни были. Мы должны скорее вновь воспринять городскую традицию в эллинском смысле этого слова — городов, которые обозримы для своих обитателей и не требуют сложного управления. Новый полис, который, если угодно, скроен по человеческой мерке и — по знаменитому выражению Аристотеля — каждым может быть охвачен одним взглядом. <...> Экотехнология, развиваемая по принципу небольших размеров и многосторонней применимости (первые практические попытки и проекты уже имеются), будет дальнейшим развитием нашей сегодняшней технологии. Она будет использовать неисчерпаемую энергию природы (солнце и ветер, приливы и отливы, природную силу рек, водород и температур на планете), чтобы снабжать экообщину экологически чистыми материалами и вновь используемыми отходами. С помощью децентрализации наверняка удастся избежать необъятных проблем с отходами наших гигантских городов — проблем, которые сегодня регулируются лишь тем, что отходы сжигают или в огромных количествах спускают в мировой океан» [Букчин]. Иначе говоря, эта экоутопия описывает сеть некрупных поселений, соединенных с природной средой отношениями устойчивого развития. Построить такие отношения можно только на основе изменения социальной иерархии, освобождения от отношений господства-подчинения.

Аналогия концепций Букчина и Ефремова, разумеется, во многом случайна, но важно, что она строится на неких общих основаниях — понимании того, что отношения общества и природы можно изменить, только если параллельно будет происходить изменение социальной реальности. Ефремов как будто пишет о том же идеальном взаимодействии общества и природы, что и Букчин, но представляет его в более точных художественных деталях. Очевидно, что это яркая иллюстрация описанной Пятигорским внутренней противоречивости экологических проектов. И Букчин, и Ефремов скрыто предполагают, что интересы личности вполне могут добровольно подчиняться интересам выживания человечества в целом, причем даже в мельчайших деталях — таких, как возвращение атомов тела в природный круговорот.

Думается, что в этих прекрасных утопических построениях сложный и опасный момент проявлен для читателя именно в представлениях о личности и индивидуальности. Если вспомнить, как завершается жизнь героини «Часа быка» Фай Родис, то мы окажемся перед вечной проблемой осуществления свободного действия. Фай Родис умирает и тело сразу же разлетается на атомы, которые должны вернуться в природный круговорот веществ — примерно так, как происходит погребение в индуизме, но без костра и соответствующих ритуалов. С одной стороны, в таком уходе силен экологический смысл — но, с другой стороны, не теряется ли в этом человеческое в

человеке? Тут проявляется идея Пятигорского об «отмене культуры по вертикали» через принятие экологического проекта. Подобным образом проблема оценивается и в уже упомянутом современном фантастическом произведении, более близком к «гуманитарной» научной фантастике, нежели к «твердой» - в дилогии С. Лукьяненко «Звезды — холодные игрушки» (1997) и «Звездная тень» (1998). Главный герой в одном из эпизодов оказывается в некоем «крематории», где уходят из жизни обитатели планеты Геометров, преобразователей материков в квадрат и круг; их тела, сгорая, падают в жерло искусственного вулкана (тут, кстати, можно увидеть также намек на кончину Эмпедокла) - и возвращают в круговорот природы свой состав. Но у Лукьяненко такой ритуал описывается как нечто антигуманное.

Вообще в тех фантастических книгах, где сильна рациональная, а не магическая (как в «чистой» фэнтези), структура мироздания, утопия (в том числе и в экологической версии) вполне логично оборачивается антиутопией. В той же дилогии еще одна планета разделена строго на две половины — технологическую цивилизацию и цивилизацию экологическую, и нарушение границ между ними ведет к открытым боевым действиям и смертям. Оказавшийся в плену у «технологов» представитель «зеленых» отказывается пользоваться благами и пищей врагов, воспринимая этот мир как мертвый, и в итоге сам умирает от сенсорной депривации в невыносимом окружении.

Судя по интервью С. Лукьяненко, он сознательно строил эту дилогию как полемику с книгами А. и Б. Стругацких о мире Полудня, однако, разумеется, не в экологическом ключе, а в плане осмысления абсолютных ценностей, их реализации через социальные институты образования и управления, индивидуальную и социальную мораль. Если же попробовать выявить экологический аспект, он будет очевидно вторичным, но именно поэтому через него можно более отчетливо выявить реальные, а не декларируемые ценности авторов и, соответственно, их активных читателей. И здесь выясняется, что С. Лукьяненко весьма далек от проповеди экологических идей. Один из положительных героев «Звездной тени» говорит: «Пока остаешься человеком - самыми важными проблемами будут те, что совсем ничтожны перед небом. Так для меня - если уж честно, судьба моей собственной собаки куда важнее вечной войны зеленых за экологию...» [Лукьяненко, 1999, с. 328]. Другой герой о преобразовании планетной оболочки задает вопросы: «А что ты ожидал увидеть? Планеты, покрытые коркой стальных пещер? Космодромы за каждым углом? Эфирные создания, размышляющие о гармонии сфер? Было уже все это. Было, и даже еще есть...» [Лукьяненко, 1999, с. 328]. Подобное фаталистическое отношение к экологическим проблемам для отечественной фантастической литературы вполне закономерно, поскольку и для ее читателей экология не является областью жизненных приоритетов.

Книги Стругацких также вполне закономерно не акцентируют внимания читателей на этой теме, а если речь об экологии идет, то скорее с антиутопической, нежели утопической, оценкой возможности решения экологических проблем. Мир Полудня, который исследователи творчества Стругацких оценивают как социально-философскую утопию, является описанием одновременно и технократической, и экологической цивилизации. С одной стороны, человечество вполне успешно осваивает космическое пространство, но, с другой стороны, человеческая деятельность на родной планете и других землеподобных планетах, колонизированных людьми, не

нарушает экологического равновесия. Это очень напоминает описание прекрасного будущего у И. Ефремова — к примеру, система самодвижущихся дорог по всей Земле¹. Аналогичны описанным у Ефремова также организация сельского хозяйства, сеть экопоселений и экогородов и т.п.

С другой стороны, по отношению к экологическим цивилизациям других планет и разумов люди весьма внимательны — так, в «Полдне» «благоустроенную планету» Леонида с ее ездовыми птицами и медоносными квази-бегемотами экспедиция с Земли покидает, как только становится понятно, что здесь обитают гуманоиды; в повести «Малыш» обнаруженная на планете Ковчег негуманоидная экокцивилизация сначала не осознается землянами как проявление разумной жизни, но затем, когда существование иного разума становится очевидным, люди также оставляют эту планету жить по ее собственным законам. Принцип Стругацких родственен врачебному «не навреди» — принцип наименьшего воздействия.

Более скептическое и ироничное отношение к вопросу существования экологического равновесия можно обнаружить у учителя Стругацких И.И. Варшавского. В новелле «Фиалка» (1966) устойчивое сохранение живой природы возможно лишь в виде крохотных заповедных зон, своеобразных музеев, куда приводят на экскурсии школьников; вся поверхность планеты будущего покрыта огромным городом. Вся природа преобразована — так, синтезированный букет можно регулировать по интенсивности запаха и степени цветения; пищу — по вкусу, цвету и запаху.

В другом произведении — «Под ногами Земля» (1965) — герои, возвратившиеся на Землю после полета в дальний космос, оказываются в обществе экотехнологий и телепатии. В этой цивилизации будущего получение одежды выглядит как «производство одежды из углекислоты и паров атмосферы. Бактериально-нуклеотидный синтез»; строительство — таким образом: «часто попадались огромные муравьи, тащившие плиты, которые мы видели в одном из сараев, другие муравьи складывают из этих плит домик на свежесрубленной полянке. Впечатления от увиденного в будущем персонажи суммируют так: «Биологическая эра, — задумчиво произнес Эрли, — кто бы мог предполагать? А зачем им вся наша техника? Человек создал машины для того, чтобы компенсировать свою неприспособленность к природе, а они не только переделали природу, но и самого человека, и, кажется, переделали неплохо. А техника у них своя, пожалуй, получше нашей» [Варшавский, 1991, с. 77].

Кажется, все прекрасно в этом новом дивном мире, если бы не детали, превращающие идиллию в антиутопию. Люди будущей «биологической эры» совершенно не знают истории человечества, предполагая, что в XXII веке их предки охотились на динозавров; они и представить себе не могут, что кто-то не владеет телепатическим

¹ «Кондратьев уже слышал об удивительных самодвижущихся дорогах. Их начали строить давно, и теперь они тянулись через многие города, образуя непрерывную разветвленную материковую систему от Пиренеев до Тянь-Шаня и на юг через равнины Китая до Ханоя, а в Америке — от порта Юкон до Огненной Земли. Женя рассказывал об этих дорогах неправдоподобные вещи. Он говорил, будто дороги эти не потребляют энергии и не боятся времени; будучи разрушенными, восстанавливаются сами; легко взбираются на горы и перебрасываются мостами через пропасти. По словам Жени, эти дороги будут существовать и двигаться вечно, до тех пор, пока светит Солнце и цел Земной шар. И еще Женя говорил, что самодвижущиеся дороги — это, собственно, не дороги, а поток чего-то среднего между живым и неживым. Четвертое царство» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 2009. с. 95-96].

средствами общения; профессионально значимые знания у них передаются генетически и требуют индивидуальных усилий; иначе говоря, это эгоистичные существа, которым живется вполне комфортно, и даже вечная «охота к перемене мест» им несвойственна, потому что всегда можно связаться с любым жителем планеты телепатически. Экологическое равновесие не нарушено именно потому, что эти люди уже не совсем люди, настолько они растворены в среде... Во всяком случае, обитатели такой будущей экологичной Земли не особенно привлекательны, в отличие от героя Стругацких Л.А. Горбовского, «с ног до головы покрытого родимыми пятнами антропоцентризма» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 2009, с. 346].

Таким образом, мы видим достаточно разнообразное и неоднозначное отношение к идеям построения экоутопии в отечественной культурной традиции. Между тем, отечественному читателю практически неизвестны ключевые для западной, в особенности англоязычной, культуры фантастические произведения об экоутопии – книги Э. Калленбаха (Ernest Callenbach) «Экотопия» (Ecotopia, 1975) и «Появление Экоутопии» (Ecotopia Emerging, 1981).

Э. Калленбах (р. 1929) – американский писатель и журналист, работавший в Университете Беркли и в Сан-Франциско. В одной из наиболее известных газет США («Los Angeles Times») его охарактеризовали как «новое имя после Уэллса, Верна, Хаксли и Оруэлла». На волне «зеленого» движения 1970-х годов книга «Экотопия» была очень популярна, поскольку речь в ней идет о таком экологическом обществе, которое не отказывается и от «высоких технологий». Спустя несколько лет вышла книга «Появление Экоутопии», своего рода приквел. «Экотопия» повествует о событиях 1999 года – через 25 лет после года ее написания. По сюжету, в 1980 г. от США отделяется новое государство – Экотопия, включившее Северную Калифорнию, Орегон и Вашингтон. Туда приезжает американский журналист У. Уэстон, заметки которого и послания по некоей «Почте времен» составляют текст книги. Примечательно, что граждане Экоутопии постоянно готовы к войне за независимость и постоянно тренируются для обороны, например, в коллективных «спортивных» соревнованиях – по сути, вооруженных стычках, но разрешенных и регламентированных. Они обладают такими «странными» возможностями, как жестко фиксированные гендерные роли, поддерживаемая государством расовая сегрегация, строгое единобрачие – но параллельно и право на применение «мягких» наркотиков, и сексуальная свобода.

Калленбах пытается описать общество, технологии которого не были бы разрушительны для природы, источники энергии возобновляемы и децентрализованы (используется геотермическая, солнечная энергия, энергия океана и ветра). Распространенность лесов ведет к развитию строительства в экогородах невысоких зданий (до 5-6 этажей); города невелики и компактны – до 10 тыс. человек, и связаны скоростными пассажирскими экспрессами; также население перемещается на электро-транспорте (микроавтобусы, такси) и велосипедах. Сельское хозяйство также ориентировано на местные условия, в нем не применяются пестициды и гербициды; использование леса и рыболовство строго регламентированы – например, чтобы купить лес для строительства дома, нужно сперва лично отработать определенное время в лесоводстве, высаживая деревья взамен спиленных. Как пишет журналист Pat Joseph, по мнению самого Калленбаха, его «Экотопия» с современной точки зрения

должна оцениваться как первое описание устойчивого общества, и именно это до сих пор обеспечивает популярность книге, несмотря на ее скромные литературные достоинства [Joseph, 2005].

Вообще говоря, несмотря на тот прискорбный факт, что русского издания «Экотопии» нет (было издание на немецком), и авторские права четко отслеживаются автором и издателями, по опубликованным в Интернете отрывкам можно достаточно уверенно предполагать, что книга во многом продолжает утопические построения Кампанеллы, у которого также солярийцы постоянно защищают родину, живущую «во враждебном окружении». И, если во времена «рейганизма» Калленбаха критиковали как марксиста – следует отметить, что он действительно часто ссылается на Маркса в лекциях и статьях, – то сегодня можно упрекнуть его скорее в общеидеологическом утопическом мышлении как таковом. Автор «Экотопии» определяет род и жанр своего произведения не как научную фантастику, а как политическую и, тем самым, оказывается «типичным представителем» идеологии зеленого движения, о которой язвительно высказался А.М. Пятигорский.

Отметим, что роман Калленбаха оказал существенное влияние на социальную реальность, как через массовую, так и через элитарную культуру. В 1987 г. рок-группа «Орегон» выпустила альбом «Экотопия». В компьютерной стратегии «Цивилизация» экотопией назван один из типов властвования. В 2003 г. в Тбилиси, а в 2006 г. в Берлине проходил международный интердисциплинарный проект-фестиваль «Экотопия: Современное искусство и природа на Кавказе».

Также существует тенденция к переносу этой художественно-утопической теории в область аналитики и практики: американский журналист и писатель, приверженец биорегионализма Дж. Гарро (р. 1948) в своей книге «Девять наций Северной Америки» (1981) называет Экотопией регион Тихоокеанского побережья Америки к западу от Каскадных гор (большая часть Северной Калифорнии, запад Орегона, Вашингтона, Британская Колумбия, юго-восток Аляски). Гарро показывает географическое и культурное отличие этой территории от остальных восьми зон, считая, что жителям следует сосредоточиться на развитии лесного хозяйства и гидроэнергетики. На волне популярности романа появляется и движение за реальную независимость региона от США – Cascadia. В Европе влияние приобрело другие формы – с 1989 г. по 2008 г. Экологической сетью европейской молодежи (EYFA – **European Youth For Action**) проводился ежегодный молодежный лагерь «Экотопия», в котором несколько сотен молодых людей пытались научиться и научить жить экологически правильно. В 2003 г. Экотопия проводилась в Украине, в 2008 г. в Турции, где EYFA отказалась от дальнейшей работы, но в 2010 г. лагерь снова прошел – в Германии. Налицо некие внутренние противоречия, которые ведут к расколам молодежного экологического движения, возможно – те самые, о которых предупреждал А.М. Пятигорский: противопоставление родового и личностного.

Но показательно, насколько похоже – также в соответствии с предположениями философа, – воспроизводится ситуация влияния утопии на гражданское общество. Воздействие «Экотопии» чрезвычайно напоминает воздействие социально-технологической утопии «Looking Backward» Эдварда Беллами (1850-1898) (первый русский перевод назван «Будущий век» [Беллами, 1891], затем книга выходила с на-

званиями «Взгляд на прошлое», «Золотой век»). Утопия Беллами была издана в 1888 г. и вдохновила читателей на создание общин и коммун на территории США в конце XIX в.. Реакцией на утопию американского литератора стало и сочинение великого английского художника и писателя У. Морриса (1834-1896) «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (1890), где экологические идеи проявлены значительно более существенно, чем у американского автора.

Как у Э. Беллами, главный герой Морриса засыпает и просыпается в далеком будущем, но у Морриса это будущее основано не только на социальных, но и на экологических преобразованиях. Крупные города – промышленные центры, – в будущем уничтожены, на их месте простираются поля, леса, сады. Городское население переместилось в деревни и все занимаются земледелием и ремеслами, обеспечивая свои потребности и потребности ближайшего окружения собственными руками. Вероятно, именно Моррис впервые описал устойчивую экономику, основанную на общинном сельском хозяйстве и индивидуальной самореализации, то есть, в сущности, на возвращении к доиндустриальной фазе культуры; но никаких точных рецептов он не дает, – так, например, говоря о новых методах добычи угля, Моррис в подробности не вдается, просто заявляя, что это чистые, легкие и безотходные методы; рассуждения о государственном и политическом управлении также не дают никаких определенных ответов. Видимо, каждый из людей будущего слишком занят персональными делами и сохранением экологического баланса, ему некогда искать способы уменьшить общественную несправедливость [Моррис, 1906].

Смелая гипотеза относительно способов решения проблемы противопоставления родового и личного была предложена также в классической американской фантастике, как представляется, до сих пор сохраняющей актуальность и прогностический потенциал – в цикле романов А.Азимова об Основании (в других переводах – Академии – «Foundation»). Хотя в целом романы представляют по жанру скорее космооперу, на ее фоне элементы образа экокатолии выглядят тем более притягательно [Азимов, 2008].

Азимов, биохимик по основному университетскому образованию, заинтересовавшись гипотезой Гея Джеймса Лавлока (р. 1919), преобразовал некоторые идеи британского эколога и философа и изложил их в художественной форме. Лавлок предлагает рассматривать Землю как естественно сформировавшийся суперорганизм со сложнейшей системой саморегуляции, в которую включены и биота, и социум. Имя древнегреческой богини Земли, как утверждают популярные источники – такие, как Интернет-энциклопедии, – предложил использовать для этой гипотезы писатель У. Голдинг; также отметим, что концепция ноосферы В.И. Вернадского стала известна Лавлоку уже после первых публикаций сочинений о Гее, с изданием книг русского исследователя на английском.

Специфичность взгляда Азимова как писателя, а не экоктивиста – в акцентировании личного момента в его образе Гея. Гея у фантаста – не Земля, а другая планета, но, разумеется, землеподобная. Она удивительно сбалансирована – температура всегда оптимальна, воздух освежает, но не холодит, облака время от времени закрывают солнце и, если уровень влажности в том или другом месте понижается, в нем тут же проходит дождь; деревья везде растут правильными рядами, как в саду;

земли и моря полны растительной и животной жизни в нужной пропорции и количестве, обеспечивающем экологическое равновесие, а увеличение и уменьшение численности колеблется в пределах некоего оптимума; то же самое происходит с численностью людей.

Разумные обитатели Геи — потомки земных людей (действие происходит в весьма отдаленном будущем, когда колонизация землянами других планет уже прошла две волны и ожидается третья), но являются ли они людьми во всех современных смыслах — большой вопрос. Они — триумф эгоцентрического мировоззрения! — не осознают себя как существующих отдельно от других разумных и неразумных, представляющих живую и неживую природу, обитателей планеты. Все жители планеты создают единое ментальное поле, каждый может применять в деятельности коллективную, всепланетную память (ее древнейшие слои сохраняются в минеральной коре, актуальный опыт — в человеческом сознании). Намерения жителей планеты высказываются и реализуются только от коллективно-индивидуального актора: «я-мы-Гея». Но одновременно человек с Геи обладает относительной персональной свободой, — вдали от родной планеты он может потерять связь с планетарным сознанием, и действовать на основе собственных представлений о благе человечества; вернувшись на родную планету, он восстанавливает связь с планетарным сознанием. В чем-то это напоминает автономность поведения муравья.

И, хотя Азимов описывает геанцев как своего рода супер-людей, способных к телепатическому общению, обладающих и другими сверхспособностями, нельзя сказать, что он однозначно принимает это как нечто исключительно положительное. Не включенные в экосистему Геи «изолянты», также являющиеся потомками землян, оказываются жизненно важны для выживания Геи и ее дальнейшей эволюции в единую одушевленную галактику — Галаксию, — именно потому, что каждый из них обладает независимой индивидуальностью, свободой воли и способностью принимать решения. Очевидно, что геанцы и «изолянты» — художественное воплощение того противоречия между родовым и индивидуальным, на которое в связи с экоутопиями обращает наше внимание А.М. Пятигорский, и для Азимова оно не разрешается так просто, как для сторонников абсолютного экологического проекта. Точно так же неоднозначность и противоречивость идей родового выживания и личностной самореализации художественно выражена у С. Лукьяненко в образе планеты, разделенной на два полушария, две цивилизации — экологическую и технологическую, у каждой из которых своя правда, и каждая имеет право на существование.

Возможно, внутри существующей сегодня реальности человечества указанное противоречие вообще принципиально неразрешимо, и поэтому, с одной стороны, относится к вечным философским проблемам; с другой — может получить решение при радикальном изменении ситуации, также прогнозируемом в фантастике — вроде угрозы человечеству со стороны инопланетного разума, как в «Схизматрице» Б. Стерлинга [Стерлинг, 2007].

Очевидно, что экоутопические построения, как и любые утопии, следует считать вариацией метафизического историцизма (в предложенном К. Поппером смысле), в котором на место гегелевского сверхразумного и сверх-благотворного Абсолютного духа, достижение которого есть финальная цель человеческой истории, поставлен

идеал экологического равновесия и экологической гармонии. Но в действительности и равновесие, и гармония представляют собой концепты человеческого разума. Реализация экологических проектов предполагает его существенные изменения, во многом — отказ от рациональности. Примером здесь может стать эссе «Какой я вижу экотопию?» Пенни Новак, американской поэтессы, которая, как заявляет аннотация, «рассматривает с артистической точки зрения проблемы, которые обычно излагаются механистическим, техническим языком» [Новак]. Новаторские идеи в нем, пожалуй, найти сложно, но эмоциональное воздействие бесспорно. Если же требуется рациональное и ответственное практическое действие, следует, видимо, ориентироваться не только на экологические утопии. Ориентиром служит конкретная практика устойчивого развития.

В том случае, если экологический проект приобретает черты идеологического действия (как в случае с А. Гором, например), может сложиться ситуация, аналогичная иронически изложенной С. Лемом в «Открытом письме Ийона Тихого»: «Профессор Брукки из обсерватории недавно жаловался на слабеющий блеск обеих звезд Центавра. А как же ему не слабеть, если вся окрестность забита мусором! <...> Кое-где из-за этого хлама не видно звезд. Астрофизики не один уже год ломают голову, пытаясь найти причину столь заметных различий в количестве космической пыли в разных галактиках. А дело, я думаю, просто: чем выше цивилизация, тем больше намусорено, отсюда вся эта пыль, сор и хлам. <...> Давно уж пора опомниться и потребовать строгого соблюдения природоохранного законодательства. В убеждении, что каждая минута промедления опасна, я бью тревогу и призываю к спасению Космоса» [Лем, эл. ресурс].

Как представляется, попытки осмысления экологических утопий в современной фантастике не менее достойны внимания, чем утопические построения в философии. Фантастическая литература предлагает своему читателю научные и этические прогнозы и решения в такой художественной форме, которая привлекательна не только для специалистов-исследователей, но и для социально активных людей (мы имеем в виду тексты, не относящиеся к полюсу «фэнтези», а близкие скорее к научной фантастике, даже в ее «мягком», гуманитарном варианте). В этом смысле фантастика представляет собой особую форму выражения философско-мировоззренческих установок и ценностей. Частое обращение к теме экологической утопии в современной фантастике (в литературе и кино) в очередной раз свидетельствует об актуальности проблемы. Примечательно, что в киберпанке — антиутопическом по общей направленности течении в фантастической литературе, — появляются образы экологической утопии, осмысленные весьма разнообразно.

Близкий к киберпанку американский писатель М. Суэнвик (р. 1950) весьма скептически высказывается о возможности построить утопическое общество, основанное на экологическом равновесии. В его втором романе «Вакуумные цветы» (1987) оказавшиеся на Марсе главные герои подвергаются «массированной идеологической атаке» со стороны людей, живущих на этой планете и стремящихся к ее природному и социальному преобразованию. Манифест человеческого влияния на Марс излагает персонаж, стремящийся привлечь на свою сторону главных героев: «Она отодвинула поднос и стала выкладывать на стол карточки голограмм. Положила фотографию красного, безжизненного Марса в эпоху до появления человека, затем накрыла ее

второй карточкой. Планета вздрогнула и заколебалась от взрывов. Ледяные шапки потемнели от забрасываемой с Фобоса пыли и стали съезживаться. В кратере горы Олимп блеснула зеленая полоска.

— Вы видите наши достижения. Олимпийский рай, микроэкологическая система, показывающая, каким будет в конце концов весь Марс, этот участок еще не готов для колонизации. <...> Через пятьдесят лет, через сто, через сто пятьдесят. К этому времени вечная мерзлота растает, и атмосфера станет настолько плотной, что люди смогут дышать через респираторы. Но мы на этом не остановимся. Через двести лет. — Плавающий в пространстве шар усеивали пятнышки зелени. Появились тонкие облака. — Через триста лет. — Планета преобразилась. Все пространство, от одного полюса до другого, покрывала нежная зелень. То там, то здесь сверкали холодной голубишной крошечные озера. — Заметьте, что здесь нет океанов. Окружающая среда Марса будет более хрупкой и в то же время более подходящей для жизни человека, чем земная. На Земле океаны придают экосфере громадную устойчивость, но вместе с тем большая часть ресурсов планеты уходит на поддержание их жизни. Общая площадь пригодной для колонизации суши Марса будет равна площади суши Земли, и вся эта территория будет использована на благо Народа» [Суэнвик, 1997, с. 223-224].

Небезынтересно, что идея экоутопии на Марсе была продумана Суэнвиком раньше, чем появилась трилогия на тему колонизации и терраформирования Марса, написанная другим американским фантастом — К.С. Робинсоном (р. 1952). Три его романа — «Красный Марс» (1992), «Зеленый Марс» (1993) и «Голубой Марс» (1996) — повествуют о превращении Марса в новую Землю, в то время как Земля страдает от перенаселения и экологической катастрофы. Экологическая и социальная проблематика вообще чрезвычайно востребована у Робинсона, что очевидно также и по другой его трилогии — «Калифорнийской», в которой прослеживаются антиутопические настроения. Но герои Суэнвика не могут согласиться с идеями экоутопии на Марсе, и возражения их таковы — непонятно, зачем делать из другой планеты вторую Землю, если все условия для человеческой общественной жизни можно обеспечить за счет искусственных космических тел; кроме того, искусственная экосистема будет примитивной и нестабильной, и для ее поддержания потребуются колоссальные усилия.

Тем не менее, энтузиасты преобразования Марса готовы на такие затраты, поскольку они уже практически построили идеальное общество: «Наша общественная система построена так, чтобы прививать идеал самоотверженного гражданина, коллективиста <...> Поскольку личное обогащение губительно для самой личности, мы нашли средства его предотвращать. В частности, мы каждый день переселяемся в другие ниши. Если вам приходится ежедневно переезжать со всем нажитым имуществом, вы оставляете себе только то, что имеет истинную ценность» [Суэнвик, 1997, с. 226]. Переселение в новые жилища (ниши для ночлега, вырубленные в скале), отказ от имущества и прочие детали жизни «марсиан» заставляют вспомнить Утопию Мора, однако ее марсианский вариант более суров и жесток, так как реализуется не на Земле, в условиях постоянной, а не периодической природной угрозы в отношении человеческой жизни.

Желание «марсиан» создать экосистему, аналогичную земной, вполне объяснимо — Земля представляется неким утраченным идеалом, потерянным раем. Небезынтересно, что образ утерянного экологического идеала связывает с экосистемами Земли

и герой вышеупомянутого романа Б. Стерлинга «Схизматрица» Абеляр¹ Линдсей. События романа отнесены в далекое будущее, в котором земляне колонизировали ближний и дальний космос, однако забыли об исходной планете, и та стремительно деградировала в результате цепи антропогенных катастроф. Человечество Земли оказалось разобщено, разделено, и «превратилось в реликт. За долгое время ржавчина сожрала все, что не успело в срок отсюда убраться. Будущее Земли принадлежит не людям, но чудовищным сорнякам, причудливым, выросшим размером с деревья, а также — крохотным тварям, прыгающим среди них в поисках корма. И, чувствовал Линдсей, это — справедливо» [Стерлинг, 2007, с. 410]. Доступная людям поверхность планеты безнадежно уничтожена, но глубины океана сохранили биоразнообразие: «глубины остались нетронутыми. В черной всепогружающей бездне, обширнее всех вместе взятых материков, условия обитания от полюса до полюса были почти одинаковы. И обитатели этого необъятного царства почти не были изучены, так как ни один человек не избрал способ извлечь из них выгоду. <...> Нетронутая первозданная жизнь, кишашая во всем своем блеске у горячих разломов тектонических плит Земли. Там, во всем своем невообразимом разнообразии, лежит целая экосистема, гораздо старше человечества. И эту жизнь можно взять себе» [Стерлинг, 2007, с. 408-409]. Парадоксальным образом оказывается, что новые природно-технические условия, которые обеспечивают жизнь будущих поколений человечества во внеземном пространстве, нуждаются в истоках, оставшихся в биосфере Земли. И, очевидно, герои Стерлинга, будучи физически уже не совсем людьми, тем не менее, сохраняют психологическое сходство со своими земными предками — стремление «взять жизнь себе» вполне вписывается в рамки новоевропейского проекта преобразования и подчинения природы, потребления наличных ресурсов. Линдсей воспроизводит схему «познать, чтобы преобразовать под свои потребности» так же, как и человек XX века.

Земная жизнь действительно предстает перед героем Стерлинга как нетронутый райский уголок: «Вокруг повсюду произрастала жизнь - целые джунгли, полностью пренебрегшие солнцем. <...> круглые шероховатые стены долины сверкали ярчайшим цветным одеянием: алым, мелово-белым, золотисто-охряным, обсидиановым. Трубочатые черви - выше человеческого роста - колыхались на склонах, точно бамбуковые рощи. Скалы были усеяны моллюсками, разевавшими белые раковины, демонстрируя кроваво-красную плоть. Пульсировали багряные губки; глубоководные кораллы распустили густые ветви, украшенные драгоценными камнями полипов. <...> Сам камень казался живым - гирлянды пористых глыб, занесенные илом трещины, змеящиеся черно-красные языки застывшей лавы, зеленоватые, фаллически вздымающиеся столбы изверженных минералов. Мертвенно-бледные крабы с лапами в человеческую руку длиной беззаботно пересекали склоны. Угольно-черная глубоководная рыба, разжиревшая от щедрот природы, неспешно плыла сквозь чашу трубочатых червей. Ярко-желтые медузы, словно срезанные цветы, колыхались в водоворотах бактериального бульона» [Стерлинг, 2007, с. 413-414]. Получив генетические

1 Интересно, что имя главного героя Стерлинг выбрал явно с оглядкой на историю философии Средних веков и литературу Просвещения; Пьер Абеляр (1079-1142) — номиналист, намек на его биографию дан в книге Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Таким образом, современная фантастика включается в многовековую культурную традицию.

образцы представителей этого биома, Линдсей сотоварищи способствует заселению преобразованными «подводными пост-людьми» внутреннего океана Европы, спутника Юпитера, но Земля так и остается разрушенной.

Иную перспективу обозначил в отношении экосистемы Земли Суэнвик, который в «Вакуумных цветах» пишет о полном преобразовании планеты в технический объект, включающий в качестве деталей человеческие организмы, которые в своей совокупности образуют некий коллективный мозг — великого Комбина, отдающего приказы своим частям. В каком-то смысле это ирония по отношению к азимовским представлениям о Гее и геанцах, поскольку части Комбина несамостоятельны, индивидуально и лично неподноценны, и испытывают стресс от разрыва с коллективом, в котором традиционно выполняют заданные функции.

Таким образом, мы видим, что в современной фантастической литературе тема построения экологически гармоничного общества осмысливается в антиутопическом ключе, что связывается с сохранением новоевропейского «завоевательного», во многом потребительского, взгляда на природу, переносающегося с одной планеты на множество колонизируемых человечеством космических тел. Земля при этом продолжает осознаваться героями фантастических текстов как некий, временами заброшенный, но не окончательно уничтоженный экологическими катаклизмами, источник биоразнообразия. Если же фантастическое допущение состоит в том, что личностная психика преобразована, то в соответствии с этим меняется и социально-экологическая ситуация, причем не всегда в направлении экологической справедливости и экологической гармонии.

Краткие выводы, которые следует сформулировать после обзора экоутопических произведений, таковы. Во-первых, очевидно, что исторические корни экологических утопий так же древни, как корни утопий вообще. Во-вторых, что вполне понятно, акцентирование в утопиях именно экологического момента совпадает с ростом интереса к экологической проблематике в целом, и экоутопии дают такой образ должного экологического будущего, который во многом становится целью для экодействия.

В-третьих, вероятно, для новоевропейского (условно «западного») и для российского читателя важны в экологических утопиях различные аспекты. Западная традиция в большей степени ориентирована на описание идеала, а не анти-идеала, или иронической оценки возможного «идеала», что более характерно для отечественного дискурса. В таком ключе рассматривают идеи экологических движений А. и Б. Стругацкие, В.В. Варшавский, С.В. Лукьяненко, а И.А. Ефремов переносит идеальное экологически гармоничное человечество далеко в будущее. Экологическая антиутопия появляется в популярной англо-американской фантастике уже после признания экологических проблем чрезвычайно важными для человеческого сообщества.

В-четвертых, внутреннее противоречие, отмеченное А.М. Пятигорским для экологического проекта в целом, — конфликт идей выживания рода и индивидуального культурного совершенствования, — актуально и для экологических утопий. Возможно, конечно, что это противоречие, в соответствии с диалектическим подходом, послужит устойчивому развитию, но пока чаще наблюдается «превращение экологического проекта в политику» (А.М. Пятигорский), что особенно заметно по фильму и книге «Неудобная правда».

Наконец, отметим, что, как представляется, разрешить указанный конфликт в существующих рамках мышления и действия вряд ли получится, но есть перспек-

тива его решения при радикальном изменении ориентации мышления, переходе к интенсивному, а не экстенсивному освоению пространства. Концепция устойчивого развития во многом способствует такому переходу.

Литература:

1. *Азимов А.* Академия на краю гибели. - М.: Эксмо, 2008. - 832 с.
2. *Араб-Оглы Э.А.* Утопия и антиутопия// Новая философская энциклопедия. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/3135.html>.
3. *Беллами Э.* Будущий век. - СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. - 334 с.
4. *Букчин М.* Экотопия. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://spb-anarchists.anho.org/a05-07.htm>
5. *Варшавский И.И.* Под ногами Земля// Под ногами Земля. - Л.: Лениздат, 1991. - С. 66-78
6. *Ефремов И.А.* Туманность Андромеды. - Минск: Юнатца, 1987. - 368 с.
7. *Ефремов И.А.* Час Быка. - М: Изд-во МПИ, 1988. - 528 с.
8. *Кампанелла Т.* Город Солнца. - М.: Наука, 1947. - 168 с.
9. *Капица С.П.* Сколько людей жило, живет и будет жить на земле. Очерк теории роста человечества. - М.: УРСС, 2009. - 190 с.
10. *Лем С.* Спасем Космос! (Открытое письмо Ийона Тихого). Эл. ресурс. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/255393/read>.
11. *Лукьяненко С.В.* Звездная тень. - М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 1999. - 496 с.
12. *Лукьяненко С.В.* Звезды – холодные игрушки. - М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 1999. - 480 с.
13. *Мор Т.* Утопия. - М.: Наука, 1978. - 412 с.
14. *Моррис У.* Вести ниоткуда. - СПб.: Книгоиздательство «Дело», 1906. - 209 с.
15. *Новак П.* Какой я вижу экотопию? Эл. ресурс. Режим доступа <http://blogs.stuzog.com/ru/?p=870>.
16. *Огуцов А.П.* Практика// Новая философская энциклопедия. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/2405.html>.
17. *Одоевский В.Ф.* 4338 год. Эл. ресурс. Режим доступа: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml.
18. *Одоевский В.Ф.* 4338 год <Отрывки>// Русский космизм. Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. - С. 38-48.
19. *Одоевский В.Ф.* 4338 год. Петербургские письма. Ред. и вступ. ст. О. Цехновицера. - М.: «Огонек», 1926. - 64 с.
20. *Одоевский В.Ф.* Романтические повести. Предисл., вступ. Статья и редакция О.В. Цехновицера. - Л.: Прибой, 1929. - 397 с.
21. *Платон.* Критий [пер. С.С. Аверинцева]// Платон. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 3. - М.: Мысль, 1994. - С. 501-650.
22. *Платон.* Тимей [пер. С.С. Аверинцева]// Платон. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 3. - М.: Мысль, 1994. - С. 421-500.
23. *Пятигорский А.М.* Является ли будущее «зеленых» розовым? Утопия и демократия// Пятигорский А.М. Избранные труды. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1996 - С. 369-372.
24. *Стерлинг, Б.* Схизматрица. - М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2007. - 432 с.
25. *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Полдень. XXII век. - М.: АСТ: АСТ Москва; СПб.: Terra Fantastica, 2009. - 346 с.
26. *Суэзвик М.* Вакуумные цветы// Суэзвик, М. Вакуумные цветы. - М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 1997. - С. 7-382.
27. *Тоффлер Э.* Третья волна. - М.: АСТ, 2004. - 781 с.
28. *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М., Издательство «Академический проект», 2008. - 528 с.
29. Экотопия – Современное искусство и экология на Кавказе. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://www.caucasus-conference.org/ru/sideevents.htm>
30. ERNEST CALLENBACH'S WEBSITE: <http://www.ernestcallenbach.com/Home+contact.html>
31. *Joseph, P.* Revisiting the 1970s eco-cult classic that gripped a nation// <http://www.grist.org/article/joseph-ecotopia>